

DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-173-185

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. И. В. Юзефович

г. Москва, Россия

ГЕРОЙ-БУНТАРЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОЗЫ И. Э. БАБЕЛЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Перспективное развитие российской школы гебраистики: иврит — древний и современный» (проект РНФ № 17-18-01295 от 02.05.2017, PURE ID 39385361) в Академии им. Маймонида РГУ им. А. Н. Косыгина

Аннотация: В творчестве И. Э. Бабеля можно проследить путь от бунта против национальной традиции к ее принятию, примирению. Реконструируя литературную генеалогию Кирилла Лютова, автобиографического героя цикла «Конармия», мы впервые предприняли попытку рассмотреть этот образ в широком контексте современной Бабелю ивритской литературы. Одним из основных ее персонажей был «талуш» — еврейский «лишний человек», восставший против традиции предков, устремившийся к европейскому просвещению. Он, подобно русскому дворянину первой половины XIX в., оторвался от истоков и оказался на перепутье, между двух миров. Однако его бунт оказывается безуспешным: оторвавшись (слово «талуш» переводится как «оторванный») от национальных корней, он так и не смог примкнуть к желанному миру европейской культуры. Кирилл Лютов, совмещая в себе черты «талуша» и русского интеллигента, сумел примирить шатры Сима с красотой Иафета, достиг синтеза двух национальных миров. Кроме того, нами прослеживается эволюция героя-бунтаря в творчестве Бабеля. Постепенно щуплый еврейский юноша в очках, вооруженный саблей и винтовкой, готовый, скорее, принести себя в жертву, нежели убивать, преобразуется в творчестве И. Э. Бабеля в нового героя, того, о котором так мечтали еврейские (писавшие как на идише и иврите, так и на русском языке) авторы предшествующих эпох: в ветхозаветного богатыря, одесского Самсона Беню Крика.

Ключевые слова: Бабель, первая треть XX в., русско-еврейские литературные связи, «талуш», диалог культур.

Информация об авторе: Илья Викторович Юзефович — кандидат филологических наук, доцент, Академия им. Маймонида, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Садовническая ул., д. 52/45, 115035 г. Москва, Россия. E-mail: ilvicu@list.ru

Дата поступления статьи: 06.11.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Юзефович И. В. Герой-бунтарь в контексте прозы И. Э. Бабеля // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 173–185. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-173-185

В попытке реконструировать литературную генеалогию Кирилла Лютова было создано множество гипотез. Так, израильский филолог Стив Левин, автор одной из последних работ, посвященных творчеству И. Э. Бабеля [9], указывает на Дмитрия Оленина, героя «Казачков» Л. Н. Толстого, как на одного из возможных «предшественников» Кирилла Лютова. Кроме того, рассматривая еврейский контекст творчества Бабеля, исследователь проводит параллель между героем конармейского цикла и еврейским солдатом-интеллигентом из очерка старшего современника Бабеля С. М. Дубнова¹ «История еврейского солдата. Исповедь одного из многих», созданного на основе подлинной биографии вольноопределяющегося А. Гольденштейна и его предсмертного письма-исповеди. По «пути использования художественной потенции документа для актуализации писательского вымысла и обобщения» [9, с. 10], пишет Левин, идет и Бабель в работе над «Конармией». Автор исследования находит в двух произведениях рожденное «временем, переломом эпох» (только у Дубнова это Первая мировая война, а у Бабеля, в свою очередь, — революция и Гражданская война) «типологическое сходство» [9, с. 10]. Важной особенностью такого сходства Левин считает следование «еврейской традиции в изображении героического, действенного начала» [9, с. 11–12]. Эта традиция состоит в первую очередь в отображении не физической, «богатырской», силы, но силы духовной. Исследователь видит черты, роднящие персонажей (и авторов) двух произведений, в «типе исторического мышления — с опорой на конкретику фактов и стремлением к широким историческим обобщениям» [9, с. 14].

Рассуждая о еврейских истоках образов Кирилла Лютова и Ильи Брацлавского, второго персонажа «Конармии», связанного с национальной еврейской культурой, нельзя обойти стороной творчество ивритских писателей-современников И. Э. Бабеля. По собственному свидетельству, Бабель «изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд» [1, т. 1, с. 31], а впоследствии редактировал собрание сочинений Шолом-Алейхема, написал киносценарий по мотивам романа «Блуждающие звезды», рассказы, во многом перекликающиеся с хасидскими историями² («Шабос Нахаму»), переводил сочинения Д. Бергельсона и предполагал заняться переводом «Тевье-молочника», а также принял участие в последнем легальном альманахе на иврите, санкционированном советскими властями, «Брешит»³, где опубликованы шесть рассказов Бабеля в авторизованном переводе, а имя писателя приведено в еврейской форме — Ицхак. Глубокую связь И. Э. Бабеля (и целого ряда писателей — современников Бабеля) с традициями еврейской литературы и культуры отмечает Лея Гольдберг, израильская поэтесса, литературовед и переводчица рассказов Бабеля на иврит: «В 1920-х годах, — пишет она, — на карте русской литературы четко обозначились фигуры еврейских писателей и поэтов, пишущих по-русски: Осип Мандельштам, Ицхак Бабель, Эдуард Багрицкий. О каждом из них можно и должно говорить отдельно: они овладели возможностями русской речи с радостью богатырей, способных начать вторжение не снизу, а с уровня, весьма близкого к вершине, <...> они, а также Пастернак, были первыми евреями, первым поколением, которое совершенно уверенно обращалось с русским стилем, как если бы он был их собственностью, и, однако, было у них что-то **свое** (Здесь и далее

¹ Семен Маркович Дубнов (1860–1941) — российский еврейский историк, публицист и общественный деятель, один из классиков и создателей научной истории еврейского народа.

² Интересно отметить, что в то же самое время Ш. Й. Агнон совместно с М. Бубером собирал хасидские истории, литературную обработку которых опубликовал в одноименной книге. Один из вариантов сюжета, положенного в основу бабелевского рассказа, встречается и в сборнике Агнона.

³ Бытие. Издавался в 1926 г., в Берлине, под редакцией А. И. Карива.

выделено нами. — *И. Ю.*), чего не было у других, — еврейское наследие, еврейское восприятие, еврейская традиция и еврейское страдание, почерпнутые либо из личного опыта, либо из двойственности ощущений и тяжести наследства, как в случае Мандельштама, **либо из еврейской традиции во всей ее полноте — со знанием идиша и иврита, молитв и Танаха, как в случае Бабеля»** [7, с. 28–29]. В другой своей статье, целиком посвященной творчеству И. Э. Бабеля, Лея Гольдберг рассуждает о проблеме перевода рассказов писателя на иврит и приходит к следующему заключению: «Кто из читателей этого⁴ рассказа, из цикла рассказов Бабеля “Конармия”, может подумать, что изначально он не был написан на иврите? Тема рассказа, его стиль и язык в переводе А. Шлионского, свидетельствуют, что **русский подлинник** в данном случае является **переводом с иврита**. И этот рассказ, благодаря переводу, словно вернулся домой» [6, с. 54]. По мнению исследовательницы, язык рассказов Бабеля куда ближе к ивриту, чем переводы Священного писания: «Читатель, владеющий русским, дивится: каким образом автор этого рассказа сумел передать на прекрасном русском языке этот ивритский стиль, если почти все переводчики наших древних книг на русский язык так непроститительно грешили либо против ивритского подлинника, либо против русского языка (включая русский язык Танаха)» [6, с. 55]. Далее Лея Гольдберг пытается систематически описать лингвистические особенности творчества Бабеля, выделяя в нем четыре языковых пласта: «(а) виртуозный язык писателя, непогрешимый в грамматическом и стилистическом отношении и тем не менее индивидуальный, особенный; (б) поэтический торжественный язык, за которым различимы интонации библейской поэтической речи; (в) еврейско-русский язык и язык одесситов из мира людей вне закона; (г) русский язык, в котором различимо влияние идиша, когда его еврейские персонажи кое-как изъясняются по-русски» [6, с. 65].

Таким образом, Лея Гольдберг акцентирует внимание читателей и будущих исследователей на важности рассмотрения творчества Бабеля как в контексте русской литературы, так и с позиций еврейской традиции.

Имея довольно широкое представление об идишской литературе, Бабель в равной степени владел и древнееврейским (что отметила в своих работах Лея Гольдберг), который на стыке веков переживал второе рождение, становясь языком новой литературы. Ивритская литература, создававшаяся в эту эпоху⁵, во многом опиралась на русскую традицию, и главным ее героем становится неприкаянный еврейский юноша, талуш⁶ (в пер. с иврита — «оторванный»), очень похожий на «лишних людей» русской литературы XIX столетия. Именно он может быть назван одним из «предков» Лютова и Брацлавского.

Герой конармейского цикла И. Э. Бабеля (с рядом оговорок), как и персонаж, созданный в контексте ивритской литературной традиции, является автобиографическим. Это молодой человек, происходящий из зажиточной еврейской семьи, получивший традиционное образование и устремившийся, как и его предшественники-талуши, к новым знаниям, европейскому просвещению. Он рекомендуется кандидатом прав Петербургского университета и очень гордится своей ученостью, что, впрочем, служит лишним поводом для насмешек со стороны казаков: «Ты из киндербальзамов <...> и очки на носу. Какой паршивенький!.. Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки» [1,

⁴ Кладбище в Козине.

⁵ В израильском литературоведении ее принято называть ткуфат-а-тия — эпоха Возрождения.

⁶ Подробнее об этом см.: [15; 16; 17].

т. 2, с. 32], — говорит Лютову гигант Савицкий, красотой и мощью которого восхищается рассказчик. Подобные насмешки терпят и европейски образованные талуши от физически крепких выходцев из народа: «До чего ж он был хорош: кольца кудрей спадают на лоб, — описывает повествователь своего конкурента, — сам сидит на кончике стула в центре комнаты, раскачивается, будто хмельной <...>. Бурлак да и только! <...> А что? Пришлось-таки нашему петушку поклевать сухой корочки — ха-ха-ха! — Вегетарианец⁷ ты наш, — обратился он радостно к сидевшему рядом Хагзару, — теперь-то помнел? Ну, давай поборемся <...>. Он обхватывал Хагзара и принимался сгибать его, словно хотел переломить пополам, а тот отчаянно изворачивался, силясь выскользнуть из непрошенных объятий и прося прекратить эту возню» [5]. В обоих случаях подчеркивается цельность и природная, стихийная сила человека из народа, которой физически немощный герой не может противиться.

И если героя Гнесина упрекают в толстовстве, то Лютова в одном из рассказов⁸ называют молоканом. Оторвавшись от мира еврейской традиции, Лютов так и не смог стать полноправным товарищем солдат Первой конной, ему постоянно приходится доказывать свое право на существование в их рядах. «История “невхождения”, — как справедливо отмечает литературовед Стив Левин, — Лютова в конармейскую массу является важнейшим сюжетообразующим фактором всей книги» [9, с. 30]. Кроме того, он, как и классические представители талушей, все еще слышит «трепет крыл Шехины», зов предков: «**В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний.** Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра⁹. Старуха в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала. Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах <...>» [1, т. 2, с. 29].

Мотив «субботней тоски», когда явственно ощущается «трепет раненых крыл позабытой Святыни» [3, с. 97], встречается во многих рассказах о «талуше» (особенно у М. Й. Бердичевского), это единственный день в неделе, когда герой, отринувший веру предков, чувствует частичку многовековой традиции в своем сердце: «Михаэль согласился. Он пришел к ней **в пятницу, в сумерки. Этот час до сих пор был для него связан со смутными, неясными воспоминаниями о возвышенных чувствах, которые когда-то пробуждали в нем древние песнопения в честь царицы Субботы** (Выделено нами. — И. Ю.). До сих пор он не может работать в этот час и чувствует, что именно сейчас завершается неделя» [2].

Лютов, живущий на несколько десятилетий позже, не боится признаться себе в тоске по уходящей Традиции, он требует у старого Гедали, одного из последних оплотов местечковой культуры, «еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножечко этого отставного бога в стакане чаю»¹⁰, но, увы, мир, столетиями опиравшийся на Га-

⁷ Многие талуши, как и авторы, создавшие их, разделяли идеи толстовства.

⁸ Рассказ «После боя».

⁹ Авраам Ибн-Эзра (1089–1164) — средневековый еврейский мыслитель. Любопытно отметить тот факт, что Барух Спиноза (его имя довольно часто встречается в рассказах Бабеля, в частности в конармейском цикле) обосновал свою еретическую, по мнению еврейской общины Амстердама, концепцию о том, что Тора не могла быть написана во времена Моисея, опираясь на комментарии Ибн-Эры к Второзаконию.

¹⁰ Сам И. Э. Бабель, хотя и не был религиозен, но до конца дней сохранил подсознательную связь с еврейской традицией. Показательно в этом отношении его письмо к А. Г. Слоним, написанное в конце первого пребывания в Париже (7 сентября 1928 г.): «Милая Анна Григорьевна. Пишу Вам сего числа в 12 часов ночи. Только что вернулся из еврейского квартала St. Paul возле Place de la Bastille. Ко мне

лаху, рухнул, и герой получает отрицательный ответ: «Нету, — отвечает <...> Гедали, навешивая замок на свою коробочку, — нету. Есть рядом харчевня, и хорошие люди торговали в ней, но там уже не кушают, там плачут» [1, т. 2, с. 30].

Эта фраза является отсылкой к Плачу Иеремии: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему»¹¹. Заповедный Иерусалим вместе с его Храмом остался в коробочке, на которую повешен замок, а ее хранитель пытается найти компромисс между Революцией и Субботой: «Революция — скажем ей “да”, но разве субботе мы скажем “нет”?» [1, т. 2, с. 30]. В какой-то момент Кирилл Лютов, оторвавшийся, казалось, от корней, намеренно позабывший стихию народной еврейской речи, переходит на язык Гедали, который, будучи носителем идиша, думает на родном языке, переводя свои мысли на русский, делает своеобразный подстрочник «Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают... Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью» [1, т. 2, с. 30]. Старьевщик использует идишскую идиому «mit vos est men es» [18] («с чем его едят»), и Лютов реагирует на этот своеобразный шибболет, подхватывая выражение и используя его в собственной речи. Таким образом, он невольно демонстрирует не только духовное, но и языковое родство со своим собеседником, человеком на первый взгляд совершенно иных взглядов и убеждений. Кроме того, по мнению Д. Э. Розенсона, само имя Гедали появляется в рассказе не случайно. Как отмечает исследователь, «почти наверняка это намек на праведного Гедалию, которого вавилонский царь Навуходоносор после завоевания Иерусалима назначил наместником Иудеи. После этого назначения многие евреи вернулись в Иудею, однако Гедалия был убит посланцами враждебного царя около 582–581 гг. до н. э. Его убийство стало концом еврейского правления после разрушения Первого Иерусалимского Храма (Иер. 40 и 1 Цар. 25). В Талмуде (трактат «Рош-а-шана») говорится, что однодневный пост, установленный в память об убийстве Гедалии, учит <...> что смерть праведного человека сопоставима с разрушением Храма, самого святого места для еврейского народа» [14, с. 39].

Для того чтобы хотя бы на время перестать быть чужим для казаков, Лютову приходится переступать через себя, жертвовать своими идеалами. В следующем за «Гедали» (хронологическим его продолжением является «Рабби»), но все вместе эти три рассказа образуют своеобразный триптих) рассказе «Мой первый гусь» униженный казаками рассказчик (разбитый сундучок Лютова очень напоминает «большой деревянный сундук <...> набитый книгами, бумагами и рукописями» [5], принадлежавший Нахуму Хагзару, главному герою рассказа У. Н. Гнесина «Стороною») вынужден сам добывать себе пропитание, потому что за общую трапезу он сесть не может: «У хаты, на кирпичиках, стоял котел, в нем варилась свинина, она дымилась, как дымится издадека родной дом в деревне, и путала во мне голод с одиночеством без примера» [1, т. 2, с. 33].

приехали из Брюсселя прощаться мама с сестрой (я уже писал Вам, что выезжаю в Россию в последних числах сентября). Я их угостил сегодня еврейским обедом — рыба, печенка, кугель, не хуже, чем в Меджибеже у цадика — и провел по необычным этим улочкам — удаленным как будто от Парижа на сотни километров и все-таки в Париже, — по грязным извилистым улочкам, где звучит еврейская речь, продаются любителям свитки Торы, где у ворот сидят такие старухи, которых можно увидеть, разве только в местечках под Краковом». Цит. По: [1, т. 1, с. 256].

¹¹ Плач 1: 1–2.

Это «одинокость без примера» является, возможно, отголоском субботних переживаний героя и не позволяет ему вкусить трэфной¹² пищи. Для того чтобы отогнать его от себя, Лютов принимается за чтение речи Ленина (сменившим сочинения Ибн Эзры из отцовской библиотеки) на втором конгрессе Коминтерна, но чувство голода затмевает сознание, «излюбленные строчки» идут «тернистой дорогой» [1, т. 2, с. 33] и не могут дойти, а Лютову в поисках еды приходится отложить «Правду» и обратиться к старухе, которая, в отличие от казаков, видит в нем конармейца, убийцу и насильника, и отказывает ему. Именно в этот момент герою приходится переступить через себя, убив гуся.

Тема преступления является ключевой в рассказах о талуше, но в них персонажи пытаются совершить аморальный поступок (связь с иноверкой, инцест, самоубийство), который станет их последним испытанием, раскольниковской «пробой» на пути к Сверхчеловечеству (как правило, талуши терпят фиаско), Лютов же колеблется перед убийством гуся. Гусь — кошерная птица, являющаяся украшением еврейского стола в дни религиозных праздников, для ребенка, выросшего в хасидской семье, убийство гуся — дело обычное. Гуся боится убить не еврей-Лютов, а русский интеллигент-Лютов, который в конечном итоге находит в себе силы и буквально уничтожает несчастную птицу, размазывая ее внутренности по двору. Этот поступок становится для него своеобразной инициацией (ни один из классических талушей инициации не проходит, останавливаясь на полпути), и казаки, относившиеся к нему ранее, как гоголевские запорожцы — к жиду Янкелю¹³, приглашают Лютова разделить с ними трапезу («Парень нам подходящий <...> садись с нами снестать, покеле твой гусь доспеет» [1, т. 2, с. 34]), после чего он **чужой** (выделено нами. — *И. Ю.*) ложкой ест **свинину**, так и не притронувшись к гуся, ставшему жертвенным животным.

Потеряв связь с религиозной традицией, Лютов, как и его предшественники-талуши («В то лето в одном из ивритских журналов печаталась его большая статья о еврейской беллетристике, уснащенная цитатами из произведений многих авторов» [5]), пишет о герое рассказа «Стороною» У. Н. Гнесин), продолжает интересоваться еврейскими историей, литературой и фольклором. На вопрос цадика Мотэле (рассказ «Рабби») о сфере своей деятельности Лютов отвечает следующее: «Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя»¹⁴ [1, т. 2, с. 36], чем вызывает похвалу и одобрение раввина, получив место за столом среди «бесноватых, лжецов и ротозеев» [1, т. 2, с. 36], в то время как «в углу стонали над молитвенниками плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов» [1, т. 2, с. 36]. Здесь же он знакомится с еще одним талушем — Ильей Брацлавским, сыном раввина, последним представителем некогда влиятельной Чернобыльской династии. Он назван¹⁵ в честь великого пророка, предвещавшего при-

¹² Трэфной — антоним слова «кошерный». Пища, запрещенная законами иудаизма.

¹³ Параллель между гоголевскими запорожцами и казаками Бабеля была проведена М. Горьким в статье, опубликованной в «Правде» и «Известиях» 30.09.1928 г.: «Бабель украсил бойцов его (Буденного) изнутри и <...> лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев».

¹⁴ Гершеле Острополер — историческое лицо, еврей из Острополя, прославившийся своим остроумием настолько, что стал героем хасидского фольклора, напоминающим Ходжу Насредина. Этот образ был очень популярен среди еврейских писателей-современников Бабеля: в разное время к нему обращались И. Мангер, Ф. Оейрбах, М. Лифшиц. Он становится главным героем рассказа самого Бабеля — «Шабос Нахуму» (1918), из которого известно, что писателем и задумывался целый цикл, посвященный похождениям неунывающего балагура.

¹⁵ Герои прозы о талуше (особенно в рассказах М. Й. Бердичевского) также очень часто обладают теофорными именами: Михаэль, Натаниэль.

ход Мессии, а его фамилия отсылает к основателю брацлавского хасидизма Нахману из Брацлава, создавшему учение о цадике и его месте в жизни общины. Любопытно отметить, что очень часто герои прозы о талуше были (как и авторы, создававшие эти образы) потомками известных хасидских династий, на них возлагали надежды, в них видели последних хранителей многовековой традиции, но они бунтовали против отцов, вступая сначала в спор с учителями, а затем и вовсе покидая родной дом, вымарывая из себя веру предков. Таков Михаэль, главный герой новеллы М. Й. Бердичевского «Два стана¹⁶»: «Он уже почти забыл отцовский дом, забыл, как трудно было освободиться от пут прошлого — даже от старинного длинного сюртука, шляпы и завитых пейсов. Забыл, как трудно было рвать корни, высвобождаясь из тисков “четырёх локтей Галахи”. Забыл, как отец пытался примирить его со Всевышним» [2].

Сын цадика, «проклятый сын, последний сын, непокорный сын» [1, т. 2, с. 36]), появляется на страницах повествования в момент нарушения одной из важнейших заповедей¹⁷ иудаизма; он мало того что курит в доме учения, у всех на глазах, неумело прячась от отца в тот самый момент, когда тот благословляет трапезу, но делает это в субботу¹⁸: «И вдруг я увидел юношу за спиной Гедали, юношу с лицом Спинозы, с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини. Он курил и вздрагивал, как беглец, приведенный в тюрьму после погони» [1, т. 2, с. 36].

Немаловажно сравнение юноши с Бенедиктом (Барухом) Спинозой, который за попытки «совместить религию и разум» был объявлен еврейской общиной Амстердама еретиком и подвергнут херему¹⁹, после чего философ покидает родной город и навсегда порывает с иудаизмом. Втайне от отца, боясь оставить мать, Брацлавский вступает в партию и вскоре отправляется на фронт, где становится командиром полка, героически сражается, но его отряд разбит, а сам он погибает от тифа. В сундуке умирающего «среди стихов, филактерий и портянок» [1, т. 2, с. 129] юноши перемешаны «мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали <...> страницы “Песни песней” и револьверные патроны» [1, т. 2, с. 129].

Не случайно в данном контексте имя Маймонида, еврейского философа, жившего в переломную эпоху, когда многие евреи, увлекшись идеями греческой философии, покидали лоно родной религии, становясь еретиками. Своим соплеменникам Маймонид адресовал книгу «Путеводитель растерянных» (מִיְכוּנֵי הַרְוּמָה). Под «растерянными» философ понимает евреев, пленившихся рационализмом Аристотеля и оказавшихся в замешательстве, между «двумя станами». Маймонид не осуждает их, а, напротив, пытается вписать иудейское вероучение в систему греческой философии, заделав, таким образом, брешь в ткани мироздания. «Растерянным» оказывается и Илья Брацлавский, разрывающийся между наставлениями средневекового мудреца и политическим учени-

¹⁶ Что характерно, кумиры писателей, создававших литературу о «талуше», — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, были сыновьями священников, т. е. фактически представителями схожегословия. Подробнее об этом см. в разделе 2.3.

¹⁷ «Помни день субботний, чтобы святить его». Илья Брацлавский уничтожает святость Царицы Субботы дымом папиросы.

¹⁸ Таких людей называли эпикуйресами (от гр. эпикуреец) — вероотступниками.

¹⁹ В иудаизме — анафема.

ем В. И. Ленина. Умирая, он, подобно талушам, так и не устранил разлом в своем сердце. В ранних изданиях «Конармии» рассказ «Сын рабби» завершал книгу, «становясь разрешением коллизии Лютов-казаки-евреи» [11], только в седьмом и восьмом издании книги, в 1930-е гг., Бабель помещает более оптимистический эпилог, примиряющий Лютова с действительностью и успешно завершающий его своеобразную «инициацию»: рассказ «Аргамак»²⁰.

Несмотря на сходство Кирилла Лютова и Ильи Брацлавского с героями прозы о талуше, между ними есть одно принципиальное различие: еврейский «лишний человек», описанный создателями новой литературы на иврите, увлечен идеями толстовства, он проповедует «непротивление злу насилием», он не может, а главное — не хочет постоять за себя.

Герои Бабеля, также напоминающие внешне субтильных ешиботников, готовы, в случае необходимости, умереть с оружием в руках, хотя и испытывают страх перед убийством другого человека. Так, Лютов²¹, сумевший буквально растерзать гуся²², идет в бой с незаряженным револьвером и уже после его окончания «вымаливает у судьбы простейшее из умений — умение убить человека» [1, т. 2, с. 134]. О таком героине-еврее, способном защитить себя и своих близких, во время погрома мечтали многие из авторов, писавших о талуше. М. Й. Бердичевский, видевший (как и Бабель) погромы собственными глазами (во время одного из них был убит отец писателя), изучая в Берлине философию, задумался о виктимности еврейского народа, о природе еврейского смирения перед лицом насилия.

По его мнению, идея жертвенности появилась во времена Явне, в эпоху Мишны и Талмуда, когда концепт «религия-ученость» стал настолько доминирующим, что евреи забыли о физическом развитии, превратившись из довольно воинственного племени в народ Книги. Важную роль здесь сыграл комплекс побежденного, страдающего народа, сформировавшийся, по мысли Бердичевского, после поражения в Иудейской войне и крушения Второго Храма. С тех пор каждый еврейский юноша впитывал с молоком матери и с каждой изученной квадратной буквой идею непротивления насилию.

Будучи учеником Ф. Ницше, Бердичевский призывал к переосмыслению ценностей иудаизма, идеал виделся ему в ветхозаветной эпохе, когда перед воинами из народа Израилева трепетали все враги²³. Тем не менее герои Бердичевского — пассивные

²⁰ До сих пор ведется дискуссия о том, стоит ли включать «Аргамак» в корпус конармейских текстов. Данному вопросу был посвящен доклад Е. И. Погорельской в рамках Международной конференции «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» (Государственный литературный музей, 23–26 июня 2014 г.) .

²¹ Тем не менее Лютов совершил немислимое преображение: он сел на лошадь. Как отмечает И. Э. Бабель в пьесе «Закат», «Еврей, севший на лошадь, перестал быть евреем и стал русским» (цит. по: [1, т. 2, с. 270]). Если раньше еврей, напоминающий бесенка, мог продать русскому помещику демонического коня, и этим его взаимодействие с лошадьми ограничивалось, то теперь он становится конным воином.

²² В отличие от Лютова, сам Бабель был не способен и на убийство животного, о чем он пишет в письме Ф. А. Бабель и М. Э. Шапошниковой от 12.11.1933 г.: «Ездили на охоту с Евдокимовым и Калмыковым — убили несколько **кабанов (без моего участия, конечно)**» [1, т. 2, с. 333]. Необходимо отметить, что иудаизм запрещает охотиться. Этот запрет восходит к истории Нимрода, «бывшего сильным звероловом перед Господом», первым охотником и ярким идолопоклонником, восставшим против Бога Израилева и возжелавшим возвести Вавилонскую башню. Фамилия Бабель переводится с иврита как «Вавилон», т. е. писатель отказывается охотиться (причем на некошерное животное) словно вопреки своей фамилии.

²³ В конце XIX – начале XX вв. на территории Российской империи начинают формироваться

йешиботники, которые живут исключительно духовной жизнью, разрываясь между «шатрами Сима» и «красотами Иафета».

Показательно, что представление о пассивности евреев, их готовности смиренно пойти на заклятие до сих пор присутствует в меморатах жителей мест культурного пограничья, особенно в тех случаях, когда речь заходит о Второй мировой войне. Довольно часто в рамках этнографических экспедиций по бывшим местечкам Украины, Белоруссии и Латгалии нам приходилось встречаться с суждениями о некоем «врожденном» еврейском пацифизме, об особенностях «еврейской веры», не позволяющей убивать людей. Распространен сюжет о могучем еврее (как правило, кузнеце), который славился на всю округу невероятной физической силой, но первым же, не оказывая ни малейшего сопротивления, отправился в концентрационный лагерь, на смерть, «потому что Бог так велел» [12].

Тем самым мы можем утверждать, что герои Бабеля, связанные с национальной еврейской культурой, продолжают и трансформируют книжную традицию «талушей» — беглецов из родного дома в мир, в пространство, не замкнутое национальными рамками. Особенно показателен в этом отношении образ Лютова, соединивший в себе и еврейского «талуша», и русского интеллигента, замороженного революцией и казачьей хаотической стихией. Национальное сознание как будто символически размыкается, позволяя герою национального мира приобрести новые качества, изменить литературные каноны. Необходимо отметить, что А. Шлионский, классик ивритской литературы и один из первых переводчиков И. Э. Бабеля на иврит, акцентировал внимание как на связи «талушей» с бабелевскими героями, так и на духовном родстве самих авторов: «И тут же вспоминаешь “ветхие свитки”, о которых писал Ури Нисан Гнесин в повести “Накануне” (“Бэ-тэрэм”), рассказывая о возвращении сына в отчий дом. Разве нет некоей общности судьбы, некоторого невидимого глазу товарищества всех наших братьев, которые писали тогда на иврите, идише и по-русски? И этот Гедали, который говорит “да” революции, тогда как она скрывает от него свой лик²⁴, — не является ли он прототипом многих еврейских образов, которые стремились всей душой и всеми силами самоидентифицироваться с революцией, но кончили тем, что были раздавлены ее колесами?» [14, с. 229].

Постепенно щуплый еврейский юноша в очках, вооруженный саблей и винтовкой, готовый, скорее, принести себя в жертву, нежели убивать, преобразуется в творчестве И. Э. Бабеля в нового героя, того, о котором так мечтал М. Й. Бердичевский: в ветхозаветного богатыря, одесского Самсона Беню Крика. Не случайно его имя²⁵: Бен-Цион, т. е. Сын Сиона. Многие исследователи, рассуждая о герое «Конармии», рассматривали его в свете мессианских идей²⁶, однако о мессианстве²⁷ в контексте «Одесских

отряды еврейской самообороны (например, одесская самооборона, гомельская самооборона) для противодействия погромщикам. Впоследствии в Риге (1923) появляется организация Бейтар (Союз Иосифа Трумпельдора), а в британской армии существовал Еврейский легион (1914–1919), деятельность которого описана В. Е. Жаботинским в «Слове о полку...».

²⁴ А. Шлионский проводит параллель между покрывалом Моисея и идеями Революции.

²⁵ Имя героя конармейского цикла также содержит мессианские аллюзии: Кирилл Васильевич, т. е. Владыка, сын Царя.

²⁶ См., например: [13].

²⁷ Интересно отметить и то, что сам Бабель неоднократно намекал на собственное «литературное мессианство»: «Надо освежить кровь. Становится душно. Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда (из Одессы — примечание наше) — из солнечных степей, обтекаемых морем» (цит. по: [1, т. 1, с. 65]).

рассказов», как правило, не упоминалось. В раввинистическом иудаизме²⁸ существует представление о двух Мессиях: Мессии, сыне Иосифа, из колена Ефремова и Мессии, сыне Давидове, из колена Иудина. Первый из них объединит народ Израилев, восстановит Храм, но погибнет в **оборонительном** сражении, и лишь после его смерти придет Мессия, сын Давида, и воцарится. Если Илья Брацлавский гибнет на поле боя, то Бенья Крик остается жив и, кроме того, получает прозвище Король. Он, в отличие от своих предшественников, так и пышет здоровьем, мощью, телесное главенствует в нем над духовным, он «скандалит на площадях и заикается на бумаге», он «тигр, лев, кошка», он «может переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется им довольна»; «если бы к небу и к земле были приделаны кольца <...> он <...> схватил бы эти кольца и притянул бы небо к земле» [1, т. 1, с. 127]. Бенья Крик могуч и бесстрашен, он не боится ни жандармов, ни бандитов, и если Илья Брацлавский (как и талуши), бунтуя против отца, бежит из дома, то Бенья поднимает на отца руку, избивая его до беспамятства, становясь хозяином дома, а впоследствии и всего города — Королем. Впрочем, и Мендель Крик, и Фроим Грач, и Рувим Тартаковский по прозвищу «Полтора жида» напоминают ветхозаветных исполинов. Ветхозаветный стиль заметен не только в образах персонажей, но и в самой организации повествования: Бабель, знавший древнееврейский язык, то и дело использует так называемое повествовательное прошедшее время²⁹: «И он ушел, этот молодой человек» [1, т. 1, с. 120], «И в помещении они договорились» [1, т. 1, с. 122], «Начал я» [1, т. 1, с. 127], «И он заговорил о новом сорте чая» [1, т. 1, с. 140]. А. К. Жолковский называет «Одесские рассказы» Бабеля «одесским эпосом» [8, с. 5], также отмечая, что «повествование ведется в третьем лице, а лирическое «я» если и появляется, то лишь в роли впечатлительного регистратора историй, аналогичной роли Лютова в большинстве рассказов «Конармии» [8, с. 5].

Таким образом, Бабель завершает традицию, начало которой положили авторы, писавшие о талуше: создает идеальный, опирающийся на ветхозаветную традицию, национальный мир (дореволюционная Одесса — это своего рода Восстановленный Иерусалим с Королем во главе), в центре которого находится цельный, не знающий сомнений и уверенный в себе, герой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бабель И. Э.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Рассказы 1913–1924 гг.; Публицистика; Письма. 478 с. Т. 2: Конармия; Рассказы 1925–1938 гг.; Пьесы; Воспоминания, портреты; Статьи и выступления; Киносценарии. 574 с.
- 2 *Бердичевский М. Й.* Два стана // Авторский сайт Зои Копельман. URL: http://zoya-kopelman.rjews.com/sifrut/berdich_dva-stana.html (дата обращения: 29.01.2020).
- 3 Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Моск. Патриархия, 1988. 1371 с.
- 4 *Бялик Х. Н.* Последний // Стихи и поэмы. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994. С. 97. 287 с.
- 5 *Гнесин У. Н.* Стороною // Авторский сайт Зои Копельман. URL: http://zoya-kopelman.rjews.com/sifrut/gnesin_storonoyu.html (дата обращения: 29.01.2020).

²⁸ Тракаты Вавилонского Талмуда Сукка 52а, Санхедрин 97а.

²⁹ Перевернутый имперфект, образующийся в библейском иврите путем присоединения союза «и» к форме имперфекта, так называемого «ваиктоль». В синодальном переводе данная форма передается сочетаниями, вроде «и сказал», «и воззвал», «и пошел»...

- 6 *Гольдберг Л.* Ицхак Бабель: на иврите, в письмах и вообще... (О сборнике «Сипурим» в переводе Авраама Шлионского) (ללכבו ויבתכמב, תירבעב: לבאב קחצי) // Амот. 1963. № 1. Июнь-июль. С. 54–75.
- 7 *Гольдберг Л.* Рыжий Мотэлэ (Об Иосифе Уткине) // Амот. 1962. № 2, октябрь-ноябрь. С. 28–33.
- 8 *Жолковский А. К.* Полтора рассказа Бабеля: «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар». Структура, смысл, фон. М.: Либроком, 2013. 288 с.
- 9 *Левин С.* «С еврейской точки зрения...». Избранные статьи и очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2010. 484 с.
- 10 *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. с прилож.: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. 8: Письма. 1927–1934. 766 с.
- 11 *Погорельская Е. И.* Бабель и другие с «еврейской точки зрения» // Семь искусств. URL: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer12/Pogorelskaja1.php#ftn1> (дата обращения: 29.01.2020).
- 12 *Погорельский А., Юзефович И. В.* // Сайт Jewishgalicia. URL: <http://www.jewishgalicia.net/website/modules/database/Item.aspx?pid=407&type=10&id=83> (дата обращения: 29.01.2020).
- 13 *Подобрий А. В.* Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 122–129.
- 14 *Розенсон Д.* Бабель: человек и парадокс. М.: Книжники. Текст, 2015. 384 с.
- 15 *Юзефович И. В.* «Лишний человек» и «талуш». Социальные и исторические предпосылки появления «беспочвенного героя» // Тирош. Труды по иудаике. 2011. № 11. С. 35–48.
- 16 *Юзефович И. В.* «Лишний человек» и «талуш». «Лишний человек» как проекция отчуждения писателя // Тирош. Труды по иудаике. 2012. № 12. С. 233–242.
- 17 *Юзефович И. В.* «Талуш» и «лишний человек»: отмирающая группа, или вечные герои // Тирош. Труды по иудаике. 2013. № 13. С. 93–104.
- 18 *Wisse R. R.* No Joke: Making of Jewish Humor. Princeton: Princeton University Press, 2013. 296 p.

© 2019. **Цыа V. Yuzefovich**
Moscow, Russia

REBEL-HERO IN THE CONTEXT OF I. E. BABEL'S PROSE

Acknowledgements: The research is carried out with support of the grant of Russian Science Foundation “Prospects for development of Russian school of Hebrew studies”: Hebrew — ancient and modern (RSF project № 17-18-01295, 02.05.2017, PURE ID 39385361) on the base of A. N. Kosygin Russian State University, Maimonides Academy.

Abstract: The paper addresses the work of I. E. Babel which allows tracing the path from the rebellion against the national tradition to its acceptance. The attempts to reconstruct literary background of Kirill Lyutov — autobiographic protagonist of the “Red cavalry” cycle — in a broader context of contemporary Hebrew literature (the beginning of 20th

century). One of its main characters is “Talush” — the Jewish “Superfluous man”, who rebelled against the tradition of ancestors, rushing to European enlightenment instead. He, just like a Russian nobleman of the first half of the 19th century, broke it off with his origins and found himself at a crossroads, between two worlds. However, his rebellion proves to be unsuccessful: being torn off (the word “talush” translates as “torn off”) from the national roots, he was never able to join the coveted world of European culture. Through combining the features of “Talush” and a Russian intellectual, Kirill Lutov managed to reconcile “the tents of Sim” with “the beauty of Japheth”, achieving the synthesis of two national worlds. Furthermore the author traces the evolution of rebel-hero in I. E. Babel’s works. Gradually we can see how slight and weak Jewish young man in glasses, armed with a saber and a rifle, ready to sacrifice himself rather than kill, is transformed in the short stories by I. E. Babel into a new hero: “Odessan Samson” Benya Kreek.

Keywords: Babel, the first third of the 20th century, Russian-Jewish literary contacts, “talush”, dialogue of cultures.

Information about author: Ilya V. Yuzefovich — PhD in Philology, Assistant Professor of Maimonides Academy, A. N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St. 52/45, 115035 Moscow, Russia. E-mail: ilvicu@list.ru

Received: November 11, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Yuzefovich I. V. Rebel-hero in the context of I. E. Babel’s prose. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, 2020, vol. 55, pp. 173–185. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-173-185

REFERENCES

- 1 Babel’ I. E. *Sochineniia: v 2 t.* [Compositions: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. Vol. 1: Rasskazy 1913–1924 gg.; Publitsistika; Pis'ma [Stories of 1913–1924; Journalism; Letters]. 478 p. Vol. 2: Konarmii; Rasskazy 1925–1938 gg.; P'esy; Vospominaniia, portrety; Stat'i i vystupleniia; Kinostsenarii [Red cavalry; the Stories of 1925–1938.; Pieces; Memories and portraits; Articles and speeches; Scripts]. 574 p. (In Russian)
- 2 Berdichevskii M. I. Dva stana [Two mills]. *Avtorskii sait Zoi Kopel'man* [Author's website of Zoya Kopelman]. Available at: http://zoya-kopelman.rjews.com/sifrut/berdich_dva-stana.html (accessed 29 January 2020). (In Russian)
- 3 *Bibliia: Knigi Sviashchennogo pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible: Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 1988. 1371 p. (In Russian)
- 4 Bialik Kh. N. Poslednii [Last one]. *Stikhi i poemy* [Verses and poems]. Ierusalim, Biblioteka-Aliia Publ., 1994. 287 p. (In Russian)
- 5 Gnesin U. N. Storonoiu [Side]. *Avtorskii sait Zoi Kopel'man* [Author's website of Zoya Kopelman]. Available at: http://zoya-kopelman.rjews.com/sifrut/gnesin_storonoyu.html (accessed 29 January 2020). (In Russian)
- 6 Gol'dberg L. Itskhak Babel': na ivrite, v pis'makh i voobshche... (O sbornike “Sipurim” v perevode Avraama Shlionskogo) (ללכבו ויבתכמב, תירבעב: לבאב קהצ'י) [Yitzhak Babel: in Hebrew, in letters, and in General... (About the collection “Sipurim” in the translation of Abraham Shlionsky) (לי י)]. *Amot*, 1963, no 1, June-July, pp. 54–75. (In Russian)

- 7 Gol'dberg L. Ryzhii Motele (Ob Iosife Utkine) [Red Motele (About Joseph Utkin)]. *Amot*, 1962, no 2, October-November, p. 28–33. (In Russian)
- 8 Zholkovskii A. K. *Poltora rasskaza Babelia: "Giui de Mopassan" i "Spravka/Gonorar"*. *Struktura, smysl, fon* [One and a half stories by Babel: "Guy de Maupassant" and "Reference/Fee". Structure, meaning, background]. Moscow, Librokom Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
- 9 Levin C. "S evreiskoi tochki zreniia...". *Izbrannye stat'i i ocherki* ["From the Jewish point of view..." Selected articles and essays]. Ierusalim, Filobiblon Publ., 2010. 484 p. (In Russian)
- 10 Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v II t.* [Complete works with appendices: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2005. Vol. 8: Pis'ma. 1927–1934 [Letters. 1927–1934]. 766 p. (In Russian)
- 11 Pogorel'skaia E. I. Babel' i drugie s "evreiskoi tochki zreniia" [Babel and others from the "Jewish point of view"]. *Sem' iskusstv* [Seven arts]. Available at: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer12/Pogorelskaja1.php#ftn1> (accessed 29 January 2020). (In Russian)
- 12 Pogorelyi A., Iuzefovich I. V. *Sait Jewishgalicia* [The Website Jewishgalicia]. Available at: <http://www.jewishgalicia.net/website/modules/database/Item.aspx?pid=407&type=10&id=83> (accessed 29 January 2020). (In Russian)
- 13 Podobrii A. V. Evreiskii mir i markery evreiskoi kul'tury v "Konarmii" I. Babelia [The Jewish world, and markers of Jewish culture in the "Red cavalry" by Babel I.]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, no 71, pp. 122–129. (In Russian)
- 14 Rozenson D. *Babel': chelovek i paradox* [Babel: the man and the paradox]. Moscow, Knizhnik. Tekst Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
- 15 Iuzefovich I. V. "Lishnii chelovek" i "talush". Sotsial'nye i istoricheskie predposylki poiavleniia "bespochvennogo geroia" [The "superfluous man" and "Talush". Social and historical background of the "rootless hero"]. *Tirosh. Trudy po iudaike*, 2011, no 11, pp. 35–48. (In Russian)
- 16 Iuzefovich I. V. "Lishnii chelovek" i "talush". "Lishnii chelovek" kak proektsiia otchuzhdeniia pisatel'ia [The "superfluous man" and "talush". "A superfluous man" as a projection of the writer's alienation]. *Tirosh. Trudy po iudaike*, 2012, no 12, pp. 233–242. (In Russian)
- 17 Iuzefovich I. V. "Talush" i "lishnii chelovek": otmiraiushchaia gruppa, ili vechnye geroi ["Talush" and "superfluous man": a dying group, or eternal heroes]. *Tirosh. Trudy po iudaike*, 2013, no 13, pp. 93–104. (In Russian)
- 18 Wisse R. R. *No Joke: Making of Jewish Humor*. Princeton, Princeton University Press Publ., 2013. 296 p. (In English)